

АЛЕНА ГУТОВЕЦ

РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНШТЕРН МЕРТВЫ

ЭССЕ

Лицо света
В глубине полутьмы
Отражённого голоса звёзд,
Падающего на Землю,
И уходящего вглубь
Мира,
Растущего в огромном пространстве Космоса,
Вечной памятью живущего в каждом из нас.

Ю. Брусовани

Когда-то наступают времена,
И рушатся нетленные законы:
Планеты покидают навсегда
Свои орбиты. Гаснут звёзды.
Меняются местами полюса,
И полны силы волны Океана
Смыкают свои воды иногда
Над землями... Кардинально
Меняются оценки. И Земля
Теперь уже не центр мироздания,
А Солнце – лишь вселенская звезда,
Но видится на расстоянии...

А человек – всего лишь существо,
Что создаёт себе культурные эпохи:
Античность, Средние века потом,
Затем был Ренессанс и Классицизма вехи;
Свою очередную «современность»
Эпохой Модернизма окрестив,

Поставил супротив прошедшего искусства, ценность
Последнего в глазах потомков упразднив.
На смену веку конструктивного Модерна
Приходит новая эпоха перемен:
В почёте пестрота культурного наследья;
Отсутствие центризма; плюрализм.
И кажется, что временной период —
Преемник, появившийся взамен
Критичных взглядов в прошлое, — наследник
Предшествующих перемен...
Но «Постмодерн» — не «после Модернизма»:
Он был в культуре испокон веков;
И, как иконописец видит пред собою
Лик Бога сквозь завесы снов,
Переноса незримый образ на холстину,
Постмодернистский теоретик точно так
Припоминает... Редактирует картину;
В структуре обиходных слов найдётся
Немало отголосков прошлых лет,
И общество сегодняшнего дня придётся
Нам признать додуманным вчерашним... Нет
Больше метанарративов: превознесение ума
Уходит в прошлое,
Ведь знание не может быть
Настолько абсолютным на Земле законом!

Феномен Постмодерна уникален.
Он находил себе приют в любом
Укромном самом уголке искусства;
И кто с кинематографом знаком,
Мог также убедиться в этом просто,
Ну... скажем, на примере киноленты,
Где режиссёр Том Стоппард воскресил -
По-своему — шекспировского «Гамлета» моменты
И возвестил, что «Розенкранц и Гильденштерн мертвы».
По-новому расставлены акценты:
Не датский принц уже с его семейно драмой
Поставлен режиссёром во главу стола,
А два придворных...

Что мы видим на экране?
 Два путника верхом на лошадях
 Вершат свой путь. От зноя солнца
 Спасают шляпы и платки, скрывающие лица...
 И вот рука в перчатке незнакомца
 С земли подняв, вертит в руках дублон –
 Из золота монету.
 Как ни подкинет вверх её – «Орёл»
 Всё время выпадает: почти две сотни раз!
 Детерминизм имеет место быть в науке,
 Но, видимо, не в это раз!
 Исчезли метанарративы!
 А двое путников уже
 Остановились на привал в лесной низине
 И вспоминают незатейливый сюжет:
 Что с ними было в прошлом? Что на ум приходит,
 Когда вдруг начинаешь вспоминать
 Весь жизни путь? К чему воспоминание подводит,
 Как к истоку, чтоб цель их путешествия понять?..
 Они – как двое призраков: не помнят даже
 Поначалу своих имён...
 И это – главные персонажи?!
 И это – Розенкранц и Гильденштерн,
 Которых через несколько столетий «воскресли»,
 Чтобы представить мы смогли себе эпоху Постмодерн?!
 Выходит так, ведь жизнь – она такая штука,
 Что только генералам места в ней
 Не хватит; ведь нужно и кому-то
 Быть рядовым, и тем их роль важней,
 Что могут подвергать сомнению законы,
 Не верить в поучения того, «кто знает лучше»;
 Следовать законам моды
 Для них не важно, ведь одно
 Не обязательно живёт за исключением другого.
 Сам человек – кочевник, и его дорогам
 Ни края нет предела, ни конца...
 На сцене нам показывают то,

Что существует за её «порогом»:
Куда уходят образы потом.
И по каким бредут путям-дорогам.
И где граница двух миров –
Того, что был и тот, который будет...
Детерриторизация – понятие из снов,
Но за кулисой чудо тоже происходит.
Подмостки сцены старого фургона
Бродячего театра помогли
Двум странным путникам без племени и рода,
И полотно Пространства рассекли...
И вот уже другие стены, окружают
Другие люди... их узнали:
И Розенкранц, и Гильденштерн пришлось здесь ко двору!
Поистине весь мир – театр, а люди в нём актёры!
Вот только как узнать свою стезю
И не попасться в сети режиссёру?
Как правильно задать вопросы,
Чтоб верные ответы получить?
Играть словами, чьи значенья можно
На время «поединка» исключить!
Придумать новые соревнования без правил,
Но запрещениями наводнив:
Нельзя использовать синонимы, повторы,
Риторику; про неуверенность забыв,
Забывать придётся также утвержденья,
Ответ вне логики (к последнему присовокупив
И отрицание существования Абсолюта)...

Приём литературы Постмодерна уникален –
Он полагает некий эклектизм:
Подобно птице Феникс, «воскресая-вырастает»
На лепле архаизмов «модернизм».
Так, сочинения, цитатой обрастая,
Приобретают новый смысл иногда
Посредством жёсткой логики; и вспоминая,
Что Постмодерн – эпоха повторений, что века
Богов сменяет Век Героев, а Век Героев – Век Людей,
Который вновь сменяется «богов столетьем»...

И так за «веком» — «век», за циклом — цикл:
 Всё в мире повторяется. Всё вечно.
 И даже Уиллиам Шекспир
 Грешил созданием интертекста!
 Том Стоппард, «Гамлета» Шекспира воскресив,
 Лишь поменял местами персонажи,
 Значение первостепенных упразднив.
 Но линию сюжетную не тронул даже...
 Однако, Стоппард создал плагиат,
 Взяв за основу интертекст Шекспира:
 Он прежний обыграл сюжет на новый лад,
 Стеблю Ризому нарастив умело...
 Вот только как нам грань определить,
 Переходя которую, искусство
 Теряет свою ценность, чтобы быть
 Подделкой сносной?
 А если «Розенкранц и Гильденштерн мертвы» -
 Всего лишь симулякр симулякра?
 И Постмодерн можем увидеть мы,
 Как только образ без подобия многократно?
 На этот непростой вопрос
 Ответить всякий сам себе обязан:
 Смысл формируется — не падает с Небес,
 Для каждого по-своему доказан...